

«Сов. культура», 1975, 13 мая

ХУДОЖНИК

Ш О Л О Х О В

И М У З Ы К А

Ранние рассказы Михаила Александровича Шолохова, его «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину», «Судьба человека» — это кладовая народной мудрости в ее художественном выражении. Множество книг написано советскими писателями о гражданской войне, о коллективизации, о Великой Отечественной. Но книги Шолохова высятся, словно могучие дубы в цветущей роще нашей литературы, они олицетворяют собой то лучшее, что в ней есть. Великий советский писатель как бы аккумулирует всю сложность социальных событий на примере своего родного края и создает классические произведения, которые являются глубочайшим отражением действительности.

Для меня, композитора, сочинения Шолохова по-особому притягательны еще одним своим свойством — удивительной музыкальностью. Сложны, полны неожиданных поворотов людские судьбы, отдельные линии этих судеб переплетают-

ся, образуя ветвистый многоголосный узор, в него вклиниваются голоса народной массы — все это словно некое грандиозное музыкальное действие, развертывающееся по строгим законам симфонизма. А неповторимый шолоховский язык! Лучшего материала для оперного речитатива не придумаешь. А шолоховские пейзажи, трепетные, поэтические, пронизанные конкретным звучанием, то таинственным, зыбким, задумчивым, то бурным и драматическим!

Моя творческая жизнь тесно связана с именем Михаила Александровича.

Четыре оперы (не считая разных редакций) по Шолохову. Мечтаю еще и пятую написать: «Они сражались за Родину».

Известно, что композиторы прошлого почти не создавали опер на современные им сюжеты. Как-то негласно было принято, что между оперной сценой и залом должна существовать достаточная значительная «временная дистанция». Запечатлеть на сцене музыкального театра современность, воплотить в оперном жанре те преобразования в жизни народной, которые несла с собой величайшая из революций, — эту задачу первыми призваны были решить советские ком-

позиторы. Трудности при этом нужно было преодолеть огромные: условность оперного искусства не должна была вступать в противоречие с правдой жизни, нас окружающей, напротив, условность должна была подчеркивать эту правду. Естественно, что для решения столь трудного задания композиторы обратились к лучшим произведениям молодой еще тогда советской литературы: С. Прокофьев — к повести В. Катаева «Я сын трудового народа», Т. Хренников — к роману Н. Вирты «Одиночество».

Обратившись к книгам Шолохова, я прикоснулся к самым главным, этапным моментам в истории страны. По существу, моменты эти объединяются в единую линию, именуемую революцией. Поэмой о революции назвал бы я созданные им творения. Потому что и грандиозное осуществление партийной программы — коллективизации сельского хозяйства, и великий подвиг в Отечественной войне — это все торжество ленинских идей, все обусловлено победившей и утвердившейся революцией.

Революция воплощена Шолоховым в плане, далеком от плакатности, схематизма. Он развертывает грандиозные картины борь-

бы нового и гибнущего, без прикрас и лакировки показывает, как живуче прошлое в сознании людей и как мучительно оно выкорчевывается. Но, демонстрируя все перипетии борьбы, выдающийся писатель — и в этом главная сила его творчества — убеждает читателей в неодолимости революции, в исторической необходимости ее победы. В своей работе над операми на шолоховские сюжеты именно это я считал самым важным: я стремился выразить через драматические судьбы героев идею жизнеутверждения, идею непобедимости великих идей ленинской партии.

Могучие, сложные характеры, отразившие в себе время великой ломки вековых социальных устоев, захватывающий сюжет, поразительная логичность художественного повествования, когда каждый шаг в развитии действия обусловлен предыдущим, — все это, конечно, не только вдохновляло, но и помогало в разработке музыкальной драматургии опер. С другой же стороны, рождало страх: окажется ли музыка достойной своей литературной первоосновы?

Были еще и трудности специфического рода. Первую свою оперу «Тихий Дон» я писал, когда роман полностью еще не был опу-

бликован. Да и вообще при переводе литературного произведения на язык музыкального театра какие-то и подчас весьма значительные изменения фабулы бывают необходимы. Должен заметить, что некоторые писатели не всегда учитывают целесообразность этого рода изменений: для них важно во что бы то ни стало сохранить в неприкосновенности ими написанное. Михаил Александрович же в этой ситуации счел возможным довериться композитору.

Впервые я встретился с ним в 1934 году, когда работал над оперой «Тихий Дон». Молодой, в кубанке, без усов, он казался еще моложе своих лет. Грубовато-добродушным тоном он приветствовал меня и предложил что-либо сыграть из оперы, показав на довольно потрепанное пианино (знакомство состоялось в номере гостиницы «Националь» в Москве). Мне пришлось не только поиграть, но и спеть голосами всех моих персонажей. Голос автора музыки, особенно оперной — явление весьма загадочное. И оценить авторское исполнение может, наверное, лишь тот, кто привык к безголосому пению. Вряд ли Михаил Александрович смог по столь несовершенной интерпретации составить представление

об опере. Наконец я задал ему вопрос: как он смотрит на некоторые изменения сюжета в конце оперы, где революционно настроенные казаки с песней «От края и до края» должны были уходить на гражданскую войну. Он, немного подумав, хитро улыбнулся и выразился примерно так: «Роман мой. Опера твоя. Пиши, как хочешь». Меня такой ответ очень устраивал.

Вскоре, приступая к работе над оперой «Поднятая целина», я вынужден был вновь «досочинить» судьбы героев — Давыдова, Нагульнова, Лушки: ведь и на этот раз опубликована была лишь первая книга романа. Разумеется, допуская сюжетные «вольности», я стремился следовать логике начертанных Шолоховым характеров, а главное — по возможности полнее выразить музыкально-театральными средствами круг основных идей книги.

После первого знакомства с Михаилом Александровичем мы частенько встречались с ним в Москве при его поездках. Вроде подружился. В 1936 году друг мой пригласил меня к себе в Вешенскую. Михаил Александрович возил меня по родному краю, особенно в хутора и станицы, где были хоро-

шие певцы и целые самодеятельные хоры.

Прочитав, освоив, пережив написанное Шолоховым, я воспринимал родные его места как давно знакомые, земляков его, казалось, я уже много раз встречал и хорошо знал. И тем не менее живое общение, возможность прислушаться к народному говору, присмотреться к обычаям и повадкам людей принесли мне и большую радость, и пользу. Несомненно, встречи в казачьих станицах, душевные беседы с писателем, который сам олицетворяет могучий народный характер, впоследствии сказались в моих сочинениях.

По-особому важно для меня было слушать донские песни в их естественном, народном бытовании. Написанные мной на шолоховские сюжеты произведения принято относить к типу так называемой песенной оперы. Мне представляется, что с полным основанием лишь одна из моих опер может так именоваться — «Судьба человека». И это особый случай, и в ней не только интонационный материал, но и сами оперные формы песенного происхождения. Что же касается остальных из упоминаемых тут моих сочинений, то в них использованы самые разнообразные

приемы оперной выразительности, в частности, я стремился к тому, чтобы их пронизывало симфоническое развитие.

Тем не менее глубже окунуться в мир музыкального фольклора было для меня очень важно. Кстати, в вопросе об использовании народной песни у нас с Михаилом Александровичем обнаружили известные разногласия. Он считал, что опере следует основываться на подлинном фольклорном материале. В первую поездку по Дону он иногда задавал мне вопрос, почему я не записываю казачьих народных песен. Я ответил ему примерно так: «Я записываю их сердцем, пассивного же читателю использования мотивов не одобряю».

Сама жизнь разрешила наш спор. Осенью 1938 года в газете промелькнуло сообщение, что в городе Миллерове (близ Ростова) состоялся вечер хоровой народной песни Дона. Среди прозвучавших песен наряду с другими (большей частью из сборника Листопадава, известного собирателя донского фольклора) упоминались как народные «От края и до края» и «Казачьи» (на самом деле сочиненные мной: первая — из «Тихого Дона», вторая — из «Поднятой целины»). Не без удовольствия вырезал я газетную информацию, запечатал в конверт и без сопроводительного письма отправил в Вешенскую.

Недавно, в конце марта, я

вновь посетил уже ставший для меня родным Ростов-на-Дону. Приехали мы с лучшими артистами Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова во главе с главным режиссером Р. Тихомировым и дирижером В. Калентьевым. Вместе с оркестром Ростовской филармонии показали главные фрагменты второй части оперы «Тихий Дон» в честь 70-летия Шолохова. Во втором отделении участвовали прибывший с нами из Ленинграда Василий Соловьев-Седой, а также группа ростовских композиторов. Такие же концерты были проведены в Таганроге и Новочеркасске.

...Вновь за окном автобуса плывет донская степь. Белеют меловые отроги. Под весенним солнцем степь ожила, позеленела. Полны стоят, как низкорослый лес.

...Живет в этом краю великий писатель земли советской. Его книги сегодня оказывают мощное нравственное, эстетическое, идеологическое влияние на людей разных стран. Влияние это, можно не сомневаться, с годами будет возрастать. И оплодотворяющее воздействие шолоховского творчества на литературу и смежные искусства — музыку, театр, кинематограф, живопись — тоже будет непрерывно усиливаться и углубляться.

Иван ДЗЕРЖИНСКИЙ,
лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель искусств РСФСР.